

Миша Таль

Нонна МОРДЮКОВА

ЭТЮДЫ О ДРУЗЬЯХ

...Очень интересно и радостно дружить с хорошими людьми, далекими от твоей профессии. Без такого общения жизнь, по-моему, была бы пресной и безрадостной. Так, например, самый теплый и светлый след останется у меня от дружбы со знаменитым шахматистом, чемпионом мира Михаилом Талем, хотя сама я к шахматам отношения не имею.

Ну что ж, пусть я не шахматист, но как это интересно — наблюдать людей в момент высочайшей интеллектуальной сосредоточенности, видеть на лице игру ума и эмоций, которые ни один из игроков не в состоянии скрыть, — так и хочется запечатлеть все это скрытой камерой. Вот почему мы охотно похаживали с Мишей на турниры, когда особенно «активно» дружили, и в нашем доме бывали все шахматные «звезды», а также мои вечные друзья актеры Алла Ларионова и Николай Рыбников.

Да, удивительные люди эти шахматисты, независимо от того, на каком уровне они играют.

Рыбников, например, не смущаясь гроссмейстерским притязанием Талья, всегда включался в домашний турнир и всегда мечтал о победе. Бывало, кто-то из крупных шахматистов пошутит, сделает сразу два хода, а Рыбников, не заметив этого, схватится за голову, вытаращит глаза, почесет затылок и жалобно так скажет:

— Ой, что я наделал!..

А «великие» хохочут, особенно Миша. Но все это по-доброму, по-дружески, понимая чувства слабого шахматиста, которому давали «фору» — ферзя, дабы не лишать его надежды на успех. Я же когда играл друг с другом, тут уж все всерьез. И я не могла оторвать глаз от их лиц, сосредоточенных и прекрасных.

Однажды Миша Таль заезжает и предупреждает:

— Ребята, я сейчас еду выступать на телевидение (он обоим, когда его там пудрили и освещали ярким светом), следите внимательно за эфиром!

Мы приготовились, сидим, ждем. Начинается передача. Они сидят с Валентиной Леонтьевой, и она берет у него интервью после поездки на Кубу. Сначала разговор идет о вещах, не относящихся к шахматам, — о моде на длинные юбки, о красотах природы и тому подобное.

Потом она спрашивает Талья:

— А какая партия, сыгранная на Кубе, больше всего запомнилась вам?

И Миша, не моргнув глазом, отвечает:

— Это партия между Филимоном Васадульским (называется имя нашего кота) и советским мальчиком Борей Андроникашвили (один из сидящих у нас в это время гостей). Хохоту было!

Леонтьева не стала провоцировать мастера на раскрытие сути указанной партии, потому что, наверное, сама была в шахматах «ни бум-бум», и перевела разговор на другие темы.

— Видели? — спросил торжествующий Миша, вернувшийся к нам с напудренным лицом.

В эту секунду раздался телефонный звонок из Риги из шахматного журнала, редактором которого был Таль.

— Одну минутку, я прикурю...

Он левой рукой сделал знак двумя пальцами, как просят сигарету.

Оказывается, журнал первым спохватился опубликовать интересную партию, про которую говорил Таль. И вот, можете себе представить, Миша, пока закурил и проговаривал всякие любезности и благодарности в трубку, сочинил и стал диктовать сию минуту рождающуюся в его голове партию. Она оказалась такой интересной, что вошла, кажется, в золотой фонд мировых шахмат.

Это была замечательная пора его жизни, ему было 27 лет, и успех сопутствовал ему.

Помню, перед поездкой в Рейкьявик он с женой заночевал у нас. Была страшная жара, и все улеглись спать на полу. Он свернулся клубочком и сразу крепко заснул. Я, проходя к себе в комнату, наклонилась над ним и шепчу:

— Смотри, гений, не проиграй!..

— Тыфу на тебя! Разве можно так говорить! — возмутилась жена.

Еще раз повторить, что Нонна Мордюкова — великая актриса, — занятие, конечно, приятное, но малопродуктивное. Это и без меня все знают. В то же время далеко не всем ведомо, что Нонна Викторовна — еще и замечательная рассказчица, наделенная от природы цепким глазом, сочным, «пряным» языком. Слушать ее — говорить как человек отчасти приобщенный — сплошное удовольствие.

Таким же удовольствием является для меня и чтение ее писательских опытов. Да-да, Нонна Викторовна вот уже много лет пишет — случилось, что и на обрывках бумаги, на оборотной стороне деловых документов, чуть ли не на обоях... Однажды она подвела меня к одному из картонных ящиков, и я прямо ахнул — там

Но его невозможно было «сглазить», тем более любящему другу.

Однажды были мы на блици-турнире в парке ЦДСА. Над Мишиным столом всегда «облепили» — он всегда накрыт нависшими над ним фигурами людей. Таль, разумеется, шел на выигрыш, на первое место. И надо же мне было сказать:

— Миша, а ваза для второго приза красивой...

— Да?

Он снова сел за стол и умело «проиграл», чтобы занять второе место. Завыли болельщики, загалдели, заахали. Выходя с понравившейся мне вазой, Миша сказал:

— На! — и своим болельщикам: — Видели?

Те, наконец, зааплодировали. Однажды ехали мы всей компанией к режиссеру, у которого снималась моя подруга, актриса. Еще дома она упрашивала Талья:

— Миша, умоляю! Ну что тебе стоит? Проиграй!

— Хорошо, хорошо! — заверил Миша.

Дело заключалось в том, что этот режиссер безумно любил шахматы, но играл на уровне «парковых» или «скверных» мастеров.

Когда мы приехали, хозяин, правда, играть отказался. Но отказался как-то нервно:

— С Талем играть? Что я, оупел? Что я... Я же соображаю!.. Но такое долгое принятие выдало его с головой. Мы поняли, что он безумно хочет сыграть с Талем.

— Не давите на человека, — посоветовал Миша, — еще дойдем и до шахмат.

Подруга же, к слову сказать, перворазрядница, расставила фигуры на доске в удобный момент, когда Таль и режиссер сидели вдвоем и о чем-то разговаривали.

— Ну что, махнем? — спросил Миша.

Режиссер набрал побольше воздуха, а выпустить его из груди долго не мог от волнения. Выбрал цвет (Миша чин чинном держал руки с пешками за спиной) и выпустил воздух, только получив белую пешку.

Как только режиссер сделал традиционный ход, а Миша дал ему, естественно, «фору» — ферзя, мы отошли, чтобы не мешать. Искоса бросая взгляд на играющих, я с удивлением заметила азарт Талья, которого не могла понять. Обычно с дилетантами он делал «вежливую» ничью.

А тут вижу — он «заведен». Что-то там происходит. Приятельница, покраснев, тоже ходит озабоченная.

— Ну, достаточно, — улыбнулся Миша.

— Да... — почесал затылок режиссер.

Выйдя на улицу, мы стали допрашивать Талья с пристрастием: почему он не проиграл ни одной партии?

— Я... не смог... — виновато проговорил он.

— Как это не смог?

— Он потрясает плохо играет... Проиграть ему было выше моих возможностей...

В этом — весь Миша.

1977 г.

Слава Зайцев

...Огромный фестивальный зал. Город Сочи на берегу Черного моря. Он с крыши, но вот стены... И есть они, и нет их: со всех точек зрительного зала видно море, солнце, белые лайнеры вдали. Голубое небо, бирюзовое море, по залу прогуливаются бархатный морской ветерок. Он ласкает лицо, загорелые плечи, ноги; нежно пахнут лю-

ди всякими бадузанами, кремом для загара, хорошими духами. Сцена пока пуста, но в нее уже впились глазами сидящие зрители, и мы в том числе. Все пришли на театрализованное представление всемирно известного Дома мод Вячеслава Зайцева.

Мы, то есть группа актеров, которые будут выступать в этом же зале во втором отделении, пришли посмотреть труд своего давнего товарища, всеми любимого солнечного человека. Кстати, прекрасная деталь: когда мы с актерского входа вошли и стали пробираться на свои места, увидели под лестницей рядом с гримборными человека с утюгом, который усердно гладил брюки.

— Славочка! — объятия, поцелуй. — Ты что сам себе гладишь?

— Нет. Это я ребятам — они задержались на пляже...

— Ну мы пошли... — еще раз обнимаемся с ним на прощание.

Со Славой Зайцевым еще никто из его знакомых не повстречался без восторга, объятий, смешного анекдота, шутки. Этому человеку дан талант приласкать человека, поднять настроение. Никогда Слава не беседует с собеседником просто так: он в процессе обязательно либо расстегнет, либо застегнет ему пуговицу на рубашке или блузке в соответствии с его видением, или же потуже завяжет платок под подбородком, или, наоборот, расслабит узел. Мило болтал о чем-то, он бесцеремонно надвигает кепку мужчине больше на лоб или чуть приподнимает назад. Ведя беседу, не касающуюся моды, он в процессе отвлеченного разговора вставляет коротко: «Зачем ты ходишь с распущенными волосами и красишься перекистью? Не надо!» Продолжается разговор и продолжают «вставки»: «Старик, эти брюки отдай мальярам для работы, а ло улице в них не ходи — это давно не туда... Манжет — ты что с ума сошел? Разве такой манжет можно носить?» И т. д., и т. д.

И, как правило, никто не обижается, наоборот, все считают за счастье попасть на дружескую «обработку» Славы Зайцева. Прощаясь, он обязательно приглашает в свой офис на проспекте Мира, обещая поправить дела с отставанием в моде. И никогда не обещает формально. Уж когда он зовет, то, крутятся, как белка в колесе, двадцать четыре часа в сутки, успевает сочинить, нарисовать, посоветовать десяткам людей в день.

Очень нервничает и негодует, когда видит своих людей не очень по моде одетыми. А любимые его люди — актеры. То есть мы. И вот наша встреча в Сочи. Пришел сначала Слава к нам на концерт. Влетел за кулисы возбужденный, потный. Поблагодарил за выступление. «Все чудесно, все чудесно!» — торопливо говорил он, держа в руке красный шелковый лоскут.

— Это мы сейчас вмонтируем в вашу белую чалму, — обращается он к актрисе, которая работает на сцене в красном роскошном платье «от Зайцева». Из зала ему стало ясно, что в белую чалму нужно вплетить красный лоскут.

И чалма на наших глазах превратилась в произведение искусства...

Всех обнял на прощание и всех пригласил на завтрашнее свое выступление. И вот на следующий день мы, такие легкие, загорелые, в удобной одежде и обуви, сидим и рассматриваем освещенную солнцем сцену... И вспоминаем...

лежали горы исписанных мелким, не самым каллиграфическим почерком, рукописей. Журнал «Октябрь» уже опубликовал две подборки ее — не знаю точно, как обозначить жанр — новелл? воспоминаний? зарисовок с натуры? Написанные с предельной искренностью, наполненные запахом кубанских лиманов, обжигающим дыханием южных ветров, неподражаемыми лицами и характерами людей, встреченных актрисой на своем пути, они открыли новую грань дарования Нонны Мордюковой, которая сегодня выражает себя не только в пластике экрана, но и в пластике собственноручно написанного слова. Почитаем?

Леонид ПАВЛЮЧИК, редактор «Труда» по отделу культуры.

де — невообразимо притягивает к себе.

— Здравствуй, Буба.

— Здравствуй, здравствуй, а почему идешь так быстро мимо меня? Почему заплаканная?

— Да так, сложности... Выберику вот между димедолом и коньяком...

— Я вхожу в пай.

— Спасибо, дорогой! Я сначала выступлю.

— Я подожду.

Итак, значит, выступила, зрители принимали в зале отлично. Иду взможа. Цветов — не могу поднять. Дышу тяжело, красная, а тут еще молодые, привыкшие к закулисной тишине поклонники просят автограф. Иногда пишу, а иногда прошу пощады: «Дайте выйти на свет».

Захожу в свою гримерную, отдышавшись, раздеваться нельзя, так как в конце первого отделения надо выходить кланяться.

Сижу, наслаждаюсь покоем, забыв про Бубу. В моем распоряжении целых сорок минут. Это же вечность для взмыленного артиста!

Вдруг в гримерную «стук-стук»...

Это Буба:

— Я жду... Пора в буфет...

Он весь — доброта, внимание, чуткость. Понимаю: заметил, что мне худо, и это его не оставило равнодушным. С чисто грузинской непосредственностью он даже не осведомился, сколько стоит в этом роскошном буфете сто граммов коньяка — да еще не нашенского, а в черной обуглившейся бутылке.

— Иду, иду...

И я действительно иду к этому солнцу с агатовыми глазами.

Подходим к буфету. Не могу, ну хоть растерзайте меня, не могу, чтоб за меня платили! И никогда не смогу...

— Мне сто пятьдесят, а тебе?

— А мне пятьдесят.

— Вай! Гамарджоба, пятьдесят — это только смазать помаду!

Заказал как хотел, а я скинула от мысли, что будет платить Буба.

— Сорок шесть рублей двадцать копеек, — объявляет буфетчица, и у меня все холодеет внутри: как же можно оставить в буфете сумму вдвое больше, чем заработок за вечер?

Но что такое деньги, если надо согреть человека, если так хочется, чтобы у него поднялось настроение?!

Буба открывает паспорт, а там лежат шесть красненьких десятиков. Он лихо расплачивается, а я вся в тревоге: наверняка последние! А ведь он приезжий... Лихорадочно соображаю: завтра, правда, аванс дадут...

Однако он безмятежен, и я знаю, это не поза. Вижу перед собой глаза верного друга, хорошего-хорошего человека. И понимаю, что для Кикабидзе вот такая веселая широта совершенно естественна и органична — заплатить всегда и везде за друга, иначе и быть не может. Другому — противоестественно, все равно как выйти на улицу в плашках...

Может быть, эта история, во всех деталях мне запомнившаяся, — мелочь, всего лишь штришок к характеру человека, примечательного не этим, совсем не этим, а чем-то более важным. Но как часто в маленьком просматривается большое! Большое сердце, большая доброта, большой свет таланта. Такой именно человек наш Буба — музыкант, певец, ударник, актер, красавец и любимый всеми товарищ.

1983 г.

Буба Кикабидзе

Многие знают о его чарующей музыкальности. Он в ряду первых музыкантов. Его силовый голос действует порою сильнее, чем академическое пение, и уж совсем несравненно его человеческие качества. Он, не задаваясь целью покорить, всегда за кулисами облеплен объятиями композиторов, службой дворца, где выступаем, молодыми женщинами... Он — сатана с угольными глазами, в хорошей одежде

Мордюкова
Таль

30.10.93